



Шерлок Холмс в России



Антология
русской
шерлокианы

Том 3

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**



Salamandra P.V.V.

ШЕРЛОК ХОЛМС В РОССИИ

**Антология русской шерлокианы
первой половины XX века**

Том 3

Составление, вступ. статья
и комментарии А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Шерлок Холмс в России: Антология русской шерлокианы первой половины XX века. Том 3. Сост., вступ. статья и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 276 с., илл. — (Новая шерлокиана).

В антологии впервые собрана русская шерлокиана, опубликованная в период с начала XX в. и до Второй мировой войны. В это масштабное по полноте и широте охвата издание включены вольные продолжения и пастиши, пародии и юмористические рассказы, истории о приключениях Шерлока Холмса в городах и весях Российской империи и Советского Союза и статьи критиков и интерпретаторов. Многие произведения переиздаются впервые.

© Authors, estate, 2019

© A. Sherman, состав, предисловие, комментарии, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

Дмитрий Березкин

СОВРЕМЕННЫЕ КУМИРЫ

Очерк современной сыщицкой литературы

Речь к учащемуся юношеству

Д. М. Боровкинъ.

СОВРЕМЕННЫЕ КУМИРЫ.

Очеркъ современной сыщической литературы.

РѢчь къ учащемуся юношеству.

Цѣна 10 коп.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.
1914.

«Криво да косо не будет ровно».

Поговорка.

Кто в наше время не слышал о Шерлоке Холмсе, Нате Пинкертоне, Нике Картере, Путилине и других «знаменитых» и «величайших» сыщиках?

Кто не читал или не видал на сцене, как эти сыщики, несмотря на все чудовищные ухищрения и козни не менее знаменитых «воров-аристократов» и иных «героев» темного преступного мира, вроде лорда Листера, Арсена Люпэна и Лейхтвейса, всегда удивительно счастливо и удачно раскрывают самые таинственные преступления, неумолимо преследуя их виновников по всем уголкам земного шара и выходя целыми и невредимыми из самых, казалось бы, невозможных положений?

Тощенькие, маленькие книжечки из плохой бумаги, с ярко и грубо раскрашенными обложками, повествующие об «удивительных» подвигах и приключениях этих вымышленных досужей фантазией виртуозов сыска и преступления, в какие-нибудь два-три года буквально заполонили собой книжный рынок.

Попробуйте заглянуть, напр., в сумки газетчиков и книгонош, в книжные шкафы железнодорожных станций, на прилавки и полки не только книжных магазинов средней руки, но и писчебумажных и даже табачных и мелочных лавок и ларей, — и пред вами одинаково всюду замелькают они, эти пестрые книжки с сенсационными «сногшибательными» заголовками вроде: «Тайна красной маски», «Кровавые драгоценности», «Двенадцать мертвых сердец», «Дом семи дьяволов», «Человеческая бойня», «Школа убийц» и проч, и проч.

Перечислить, хотя бы приблизительно, даже выдающиеся только номера этой современной авантюрской литературы решительно не представляется никакой возможности: их не десятки, не сотни, а тысячи. Каждый грядущий день

родит все новые и новые выпуски, и все эти выпуски одинаково по-своему «выдающиеся».

Для их фабрикации на наших глазах выросли специальные издательские фирмы, в целях рекламы и сбыта раскинувшие своих представителей чуть ли не по всем городам матушки-Руси. От этих представителей в главные конторы их фирм то и дело летят заказы выслать то «серию Дацара», то «серию Пат Коннера», то «серию д-ра Кварца», «Мутушими», «Лейхтвейса» и проч. И главные конторы работают, шлют. Из недр их складов каждый почти день эти «серии» всевозможной шерлоковщины и пинкертоновщины целыми громадными кипами плывут по всем направлениям, проникая в самые отдаленные уголки, до затерявшихся в глухой таежной треще деревушек включительно.

О том, насколько велик в настоящее время сбыт произведений сыщицкой литературы, можно судить уже по тому, что, по официальным только данным, ее расходуется в одном лишь Петербурге около *семи с половиной миллионов книжек в год*. За один лишь августа месяц прошлого года, когда пред началом ученья типографии бывают заняты, обыкновенно, главным образом печатанием учебников, в Петербурге было напечатано 898.710 экземпляров сыскных брошюр, вес которых равнялся 2.488 пудам 17 фунтам. Можно судить, поэтому, каково же общее, обращающееся среди российских обывателей, количество этих брошюр! Надо полагать, что это количество, если принять во внимание число брошюр, напечатанных не за один только, сравнительно «тихий», август месяц, а и за все месяцы года и не в одном только Петербурге, а и в Москве, Варшаве, Одессе и других городах России, а также — число брошюр, вывезенных в готовом виде из-за границы и, наконец, полученных в наследство от трех-четырех предшествующих лет, — будет умопомрачительно громадно: оно должно выразиться уже не десятком, а десятками миллионов экземпляров.

Десятки миллионов экземпляров!

Но ведь это — настоящее безбрежное море, настоящий книжный потоп!

И, — спрашивается, — чего?

Полуграмотных рассказов о том, как один человек вполне сознательно и хладнокровно совершает всевозможные мерзости и зверства, а другой охотится за ним, точно за красным хищным зверем и, после целого ряда до нелепости фантастических приключений, наконец, настигает его, хватает, сажает в тюрьму, стреляет, колет, рубит, режет без всякой жалости и милосердия. Обман, воровство, подлоги, бесчеловечная жестокость, разврат...

И — кровь, кровь...

И что особенно знаменательно и грустно, так это то, что это кровавое книжное море сыска и преступления, вздувшееся на наших глазах и при нашем высококультурном «благосклонном» попустительстве, на наших же глазах постепенно и невозбранно захлестнуло своей безобразной мутью не одни лишь дворницкие и швейцарские, а и наши школы, наше учащееся юношество.

Присмотритесь внимательно к тому, что читает последнее, — и вы, наряду с прекрасными книгами, нередко встретите все те же пестрые книжки о Шерлоке Холмсе, Нате Пинкертоне, Нике Картере и проч. Вместе с тем, вы подметите, что рядом со случайным чтением этих книжек (подвернулась, дескать, под руку книжонка — ну, взял да и прочитал, «со скуки» прочитал, «чтобы провести время» прочитал) идет чтение систематическое: книжки с рассказами о преступлениях и сыске читаются именно *запойно, любовно, в ущерб умному и полезному чтению*.

«Когда я приехал в Петербург, — пишет один юноша в ответ на предложенный ему анкетный вопрос, — то мне пришлось читать книжку о Нате Пинкертоне. Я с *восхищением* прочитал одну книжку и попросил у товарища дружю»¹.

«Ради этих книг, — читаем мы в другом ответе, — я *бро-сил другие книги*, не смотря на то, что дома не совсем охотно позволяли читать их».

«Когда все спят, я зажгу лампу и читаю целую ночь».

¹ И в этом, и в других ответах курсив наш. *Авт.*

«Не могу оторваться», «не могу заниматься уроками», «упиваюсь», «испытываю наслаждение», «дочитался до привидений», «стало жутко» и проч. и проч.

На вопрос: «Сколько прочитал из сыщицкой литературы?» — один юноша ответил, что прочитал 200 выпусков, другой — 300 выпусков, около сорока заявили, что прочитали около 150 выпусков каждый, 32 указали, что прочитали «много», что означает, во всяком случае, не менее 50 выпусков и проч.

Некоторые из учащихся дошли в чтении всевозможной шерлоковщины и пинкертоновщины даже до того, что сделались своего рода специалистами в этой области, наловчившись отличать разные оттенки этих, в общем, однообразных «серий». Так, Путилин, напр., одному ученику нравится больше всех, потому что он «не сразу ловит, как другие, а постепенно».

Мало того: вы подметите, что этими книжками увлекаются подчас настолько, что их чтение постепенно начинают считать «полезным» и «нужным», а героев сыска возводят даже в идеалы своей будущей жизни и деятельности. Так, один юнец откровенно заявляет, что книжки о сыщиках он «покупал и будет покупать», потому что считает их «полезными и для мальчиков, и для взрослых». А на анкету об идеалах учащихся, проведенную в октябре 1908 года в 15 классах мужских учебных заведений и 27 классах женских, поступил, между прочим, 31 ответ (24 от учеников и 7 от учениц), в которых «идеалами» выставляются именно или Шерлок Холмс, или Нат Пинкертон, Ник Картер и другие сыщики. К аналогичным же данным привела анкета, произведенная в одном из учебных заведений и в 1909 году. При этом, как в том, так и в другом случае, в некоторых ответах, после восторженного отзыва о личности и «подвигах» сыщиков, прямо и недвусмысленно заявляется: «Мне самому хочется быть Нат Пинкертоном», «Я больше всего хочу быть Шерлоком Холмсом», «Я также хочу раскрывать преступления и отыскивать преступников», «Я также намерен заняться этим делом по окончании курса гимназии» и проч. и проч.

Спрашивается: в чем же кроется причина такого широкого распространения сыщицкой литературы в современной нам обществе и что, собственно, *дурного* в увлечении ею?

Простая ссылка на «психическую заразу» является, конечно, общим местом и по существу ничего не объясняет, так как сама «психическая зараза» нуждается в своем объяснении; именно и важно выяснить те болезнетворные условия, благодаря которым эта «зараза» эпидемически усваивается психикой современного нам общества.

И нет сомнения, что в ряду таких условий далеко не последнее место занимает *общая настроенность нашего времени с его кровавыми ужасами*.

За последние семь-восемь лет мы столько пережили, сколько люди не переживают обычно за всю свою жизнь. Кровопролитная несчастная война с Японией, обидный для национального самолюбия мир, манифест 17 октября, молодые мечты о скороспелом обновлении внутренней жизни России, братоубийственная смута с ее забастовками, безумием восстаний, бесконечным кровавым рядом покушений, экспроприаций и грабежей — все это, естественно, должно было оставить сильный след в душе современных русских людей.

Под влиянием, с одной стороны, горького чувства разочарованности и недовольства однообразием и бесцветностью обыденной обывательской жизни, а с другой, — бурной гаммы повышенных чувств и настроений только что пережитого, полного захватывающих кипучих страстей, в душе многих из них, рядом и одновременно с приподнятым до болезненности интересом ко всякой смелой активной личности, безотносительно подчас к ее нравственному облику, и не менее болезненной потребностью самолично пережить с этой личностью настроение нервной, напряженной борьбы, постепенно наслаивалась и прочно закреплялась привычка к сильным ощущениям. Эта привычка осталась у них и тогда, когда пенные валы взбаламученного моря так называемого «освободительного движения» несколько поулеглись. Она видоизменилась лишь со стороны ценности са-

мих возбудителей ощущений, мало-помалу переродившись в так характерную для переживаемого нами времени *грубоэгоистическую жажду сильных впечатлений* и безудержную изобретательность всевозможных способов к ее удовлетворению.

Эта недостойная жажда у различных людей проявляется различно. Равным образом, различными способами люди и удовлетворяют ее.

У одних она сказывается, напр., в похотливом задевании и раздражении тех психологических струн, которые связаны с вопросами половой физиологии, причем эти люди для удовлетворения ее бросаются в порнографию и самый бесшабашный разврат со всеми чудовищно-гнусными его уродливостями, до половой перверзии включительно. Они зачитываются «санинской» литературой, нарасхват раскупают циничные фотографические карточки и «алфавиты любви», идут в «колонии естественных людей» и в различные «Дорифы» и «Лови моменты», неопустительно посещают «вечера красоты» и всевозможные «Variétés», восторгаются в «театрах сильных ощущений» сценами из «Певички Бабинет», «Радий в постели», «Падшей» и проч. и проч.

У других эта жажда сильных впечатлений проявляется в создании и поощрении общественных развлечений, поразительных по своей дикой бессмысленности и жестокости. Точно в эпоху распада могущественной когда-то Римской империи, люди этой категории, с криком «Зрелищ!» идут в различные цирки смотреть или на то, как на головокружительной высоте «человек с железной шеей», накидывая на себя натуральную мертвую петлю, изображает повешенного, или на то, как различные укротители с одним хлыстиком в руках входят в клетки с дикими хищными зверями, маги-престижитаторы с звонким хрустом перемалывают зубами и глотают стекло, «профессора» атлетики гнут железные полосы, профессиональные борцы «кладут на лопатки» своих менее счастливых соперников, а жокеи-наездники разбивают лбы при скачках «с препятствиями»...

У третьих она сказывается в болезненной эксцентричности, претенциозном самомнении и предвзятом желании,

наперекор всему и всем, все осуждать, разрушать и вносить с собою всюду беспорядок, свару и скандал. Этих личностей теперь вы можете встретить везде: и в обществе, и на улице, и в семье, и в школе. Без них не обходится ни одно общественное собрание, ни одно общественное увеселение. Заметками об их «подвигах» изо дня в день пестреют газетные хроники...

Есть, наконец, и такие — и много-много их по нынешним временам! — которые, подобно портному Окоемову из романа Сологуба «Тяжелые сны», любят занимать свое воображение и щекотать свои больные нервы лишь всем таинственно-кровавым, чудовищно-зверским. Им нравятся, напр., только из ряда вон выдающиеся преступления, вроде «Таинственного убийства В Лештуковом переулке», «Дела Александра Кара», «Красной вдовы», «Покойника без головы» и проч. Они смакуют каждую деталь этих отвратительных преступлений, с нетерпением ждут продолжения их описания и поистине с волчьей жадностью набрасываются на свежие номера тех газет, «в каждом номере которых самых разнообразных преступлений хоть отбавляй: читай — не хочу, так что под конец, — как заявляет Окоемов, — и внимания не обращаешь: ну, убил, зарезал, отравил, — тьфу!..»

Разумеется, для людей этой категории всевозможная шерлоковщина и пинкертоновщина явилась настоящим кладом, ибо в ней оказалось в наличии решительно все, что им так нравится и чего они ищут: и кровавые зверские преступления, и не менее кровавые и зверские расправы с преступниками, и напряженное до последней степени состязание между преступником и сыщиком в ловкости, хитрости, находчивости, хладнокровии и храбрости, и так любезная им таинственность, загадочность. Неудивительно после этого, что современные Окоемовы с восторгом встретили появление пестрых книжек о сыске и преступлениях, а издатели, своевременно подметившие спрос на эти книжки, с не меньшим восторгом принялись печь их, всячески подделываясь под невзыскательный вкус Окоемовых-покупателей. И чем больше разрастался спрос, тем шире и изобретательнее развивалась и деятельность издателей.

Когда рассказы английского писателя Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе, этом, так сказать, родоначальнике и прототипе современных героев сыска, были исчерпаны все и впереди, таким образом, предстояло скучное и плохо оплачиваемое повторение, — по предложению издателей десятки разных анонимных борзописцев со рвением, достойным лучшего применения, принялись сочинять по образу и подобию Шерлока Холмса новых аналогичных героев сыска и преступления, из которых каждый следующий, к несчастью, выходил и грубее, и нравственно-безобразнее предыдущего. Так постепенно за Шерлоком Холмсом появился лорд Листер, этот «вор-джентльмен и артист-любитель», вслед за ним — «вор, авантюрист, мошенник и плут» Арсен Люпэн, а затем — особенно пришедшийся по душе г. Окоемовым «гроза и ужас всех воров, мошенников и плутов» — Нат Пинкертон. За последним же, точно грибы после теплого летнего дождя, как-то разом выплыли на свет Божий из складов издательских фирм — американский Шерлок Холмс, Ник Картер, знаменитый американский сыщик Боб Витней, знаменитый немецкий сыщик граф Стагарт, знаменитый лондонский сыщик Павел Бек, знаменитая сыщица мисс Дора Мирль, «удивительная» сыщица Этель Кинг, грозный судья угнетателей красавец Картуш, знаменитый бандит Лейхтвейс, дневник знаменитого вора Георгия Манолеску и проч. и проч.

Действительно, просто «читай — не хочу». Куда глазом ни кинешь, везде он стал встречать все те же пестрые книжки или о сыщиках или о сыщицах разной масти и фасона. Волна вздувалась быстро, пока не затопила, как мы видели, весь книжный рынок.

И это дело оказалось далеко не безразличным, как в простоте души полагали родители, воспитатели и вообще — все те, кому своевременно этим делом ведать было нужно.

Когда своим наводнением улиц, витрин, прилавков и даже открытых сцен книжки о сыске на каждом шагу стали настойчиво и систематично барабанить по нервам, давить на психику, против воли врывать в сознание, то, по закону сложения стимулов (Вильям Джемс), постепенно и ста-

ла создаваться та каленая болезнетворная атмосфера внушения и гипноза, которая медленно, но неизбежно и верно и привела к своего рода психозу, мало-помалу охватившему и не одних уже Окоемовых: книжки о сыщиках стали читаться всеми, и не одними уже только взрослыми, но, как мы видели, и детьми, нашим учащимся юношеством. Наступило поистине какое-то темное, безотчетно-захватывающее эпидемическое увлечение. «Зараза» какая-то пошла, и эта «зараза», к сожалению, отравила своими нездоровыми ядовитыми миазмами не одну светлую юную душу.

Грустно, а — факт. Непреложный и глубоко поучительный факт.

Дайте себе труд внимательно и беспристрастно вдуматься и учесть то, что дало вам в конечном результате чтение сыщицкой литературы, — и вы сами воочию убедитесь в этом. Вы сами не только со стыдом, но и с тревогой, близкой к ужасу, в конце концов подметите в себе, прежде всего, принижение здорового литературно-художественного вкуса.

Вы увидите и вполне признаете справедливость того, что все время, которое вы провели в обществе Шерлоков Холмсов, лордов Листеров, Нат Пинкертонов, Ник Картеров и проч., вы провели в очень дурной компании, — компании не живых, реальных лиц, носителей и воплощений каких-либо жизненных, идейных начал, не глубоко-продуманных, психологически-правдивых характеров, не типично-красочных и индивидуально-ценных физиономий, а в компании искусственно-придуманных и бульварно-пошлых манекенов, говорящих дубовым бульварным языком.

Вы увидите и вполне согласитесь с тем, что во всех рассказах об этих бульварных героях, за исключением разве рассказов Конан-Дойля¹, нет ни логической связи фактов,

¹ Некоторые исследователи и критики начинают за последнее время высоко ценить рассказы Конан-Дойля. Так, напр., пр.-доц. Н. О. Лосский, автор «Обоснования интуитивизма», прямо-таки рекомендует изучающим логику познакомиться с Шерлоком Холмсом. В большинстве рассказов о нем он ценит строго-логическую будто бы структуру их и вообще — смотрит на них, как на ряд интересных логических загадок,

ни постепенного развития действия и постепенного разрешения задачи: все ясно с первых же страниц и все одинаково неправдоподобно и фальшиво, так как опирается в большинстве случаев не на умозаключение от присутствия основания к присутствию следствия и от отсутствия следствия к отсутствию основания, а на невозможное с логической точки зрения умозаключение от присутствия следствия к присутствию основания. Факты нанизываются подчас совершенно несообразно, лишь с целью достижения эффектов лубочного характера. Обыкновенно дело представляется так, что сыщик каким-то непонятным образом или благодаря нелепой случайности нападает на след преступления, но, выслеживая преступников, сам попадает в их руки. Казалось бы, он должен погибнуть, но — нет! — он все-таки вывертывается, выходит из критического положения с помощью самых удивительных и нередко — прямо-таки недопустимых с точки зрения здравого разума средств. Так в одном рассказе передается, напр., о том, как преступники захватывают ненавистного им Нат Пинкертона, привязывают его животом к дулу заряженной пушки, вставляют в последнюю фитиль с зажженным концом и уходят. Казалось бы, — сыщику пришел карачун: связанный по рукам и по ногам, он должен видеть, как постепенно перегорает шнур фитиля и с каждым мгновением все ближе и ближе надвигается на него неумолимая и неминуемая смерть. Однако, Нат Пинкертон, т. е., собственно говоря, не Нат Пинкертон, а автор рассказа, не теряется и не смущается: он просто-напросто заставляет своего героя откусить кончишь языка и выплюнуть его вместе с кровью на горящий фитиль, благодаря чему последний гаснет, и сыщик, таким образом, спасен. Он освобождается, победоносно ловит преступников, сыгравших с ним такую скверную штуку, сажает их в тюрьму, за что и получает условленный гонорар. А так как без языка сыщику обойтись никак невозможно, то ав-

которые решаются с таким же будто бы интересом, как и математические задачи, задачи-шутки и т. п.

тор заставляет врачей придумать ему новый язык — и дело в шляпе. И подобных несообразностей вы найдете целую кучу.

Удивительно ли после этого, что художественный вкус, развитие и воспитание которого требуют самого тщательного и внимательного выбора книг, при чтении подобной антихудожественной дребедени невольно притупляется и принижается. Ведь нельзя же, в самом деле, безнаказанно прочесть до 150-200-300 подобных рассказов! Мысль, в силу повторности, невольно привыкает укладываться в такое же больное русло, делать такие же логические несообразности, свыкаться и сживаться с фальшивыми бульварными образами и картинами, выражаться вовне таким же дубовым, бульварным языком. Поистине, в данном случае правы пословицы: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты таков» и «Нет на свете ничего гаже дурной компании»...

Но, помимо принижения литературно-художественного вкуса, вы увидите, далее, и нечто более ужасное: вы увидите, как под влиянием чтения сыщицкой литературы постепенно притупляется и извращается нравственное чувство у человека, как последний, питая воображение грязными картинами преступного мира, постепенно и незаметно для самого себя утрачивает отвращение к этим картинам, сживается с ними, капля за каплей впитывает в себя взгляды разных Нат Пинкертонов, лордов Листеров и Арсенов Люпэнов, а при неуравновешенности, болезненной склонности к подражанию, истерии — сам начинает проповедовать то же самое и даже — становиться в их ряды.

Да иначе оно, впрочем, и не может быть.

Существенно-важный психологический момент всякого чтения, как известно, состоит в том, что воспринятые от чтения образы и картины, даже помимо желания читателя и, что еще важнее, даже помимо непосредственного сознания им этого, вызывают в нем такой или иной субъективный отклик, такое или иное отношение к себе, возбуждая, по ассоциации, целую гамму соответствующих чувств и настроений. При частом же, а тем более продолжительном и систематическом повторении в чтении одних и тех

же образов и картин происходит, если вовремя не дано необходимого противовеса, эмоциональное предрасположение воплотить эти чувства и настроения, как привычные уже, в ряд действий в своей собственной жизни и деятельности. Происходите, одним словом, явление своего рода гипноза, внушения через чтение. И если под влиянием подобного внушения часто меняют свои взгляды, привычки и характер даже взрослые, уже сложившиеся и духовно окрепшие люди, то что сказать о молодежи, увлекающейся, неустойчивой и еще не определившейся!

При живости фантазии, она скорее, чем взрослые, может перенестись в условия жизни, изображаемый писателем, сблизиться с этой жизнью, с выведенными героями ее, вступить с ними в живой обмен своими чувствами и настроениями, своими симпатиями и антипатиями.

И посмотрите, как, увлеченная общим психозом окоемовщины, реагировала она на образы и картины той жизни, что описывается на страницах пестрых книжек о сыске и преступлениях, и что из этого вышло.

Вы увидите, что большинство юношей, увлекшихся чтением сыщицкой литературы, уже на втором-на третьем десятке ее номеров не только привыкает к грязным персонажам ее и не возмущается их преступными свойствами, а начинает даже постепенно, очевидно — по мере проникновения во вкус Окоемовых, — увлекаться их борьбою, сочувствовать им, дрожать за их участь, живо разделять все их интересы, вместе с ними придумывать новые способы воровства и избавления от опасности и, наконец, с облегчением вздыхать, когда вору или сыщику удаются их кровавые, зверские замыслы.

На анкету, произведенную в 1909 году, поступили, между прочим, от таких юношей следующие, красноречиво иллюстрирующие только что сказанное, ответы: «Читаю и разделяю взгляды Арсена Люпэна», «эти вору мне нравятся потому, что очень интересно знать, как надо опустошать карманы богатым людям», «нравятся оттого, что умеют обманывать и воровать», умеют «надувать», «ловко укрываться», «нравятся оттого, что они здорово резали, из чего вид-

но, что они смельчаки», «отчаянные», «готовы на все», «ни перед чем не останавливаются», «ничего не боятся», «хитры», «скрытны», «ловки», «рискуют своей жизнью», «я сам помог бы им (разбойникам) резать», «сам хотел бы сделаться лордом Листером, потому что имел бы тогда массу денег» и проч. и проч.

Из 122 опрошенных 60, т. е. целых 40, 98%, так или иначе старались подражать сыщикам, 15 (12, 29%) играли в сыщиков, 12 (9, 83%) называли себя именами сыщиков и разных преступников, 18 (14, 75%) «хотели бы» или «хотели» сделаться ими, а 2 (1, 63%) так даже пробовали быть таковыми.

При вышеупомянутой анкете об «идеалах учащейся молодежи» выяснилось, что сыщики и разные архиплуты оказались более привлекательными и дорогими, чем даже отец, мать, другие родственники, чем выдающиеся ученые (Сократа, Брем, Менделеев, Юнг и др.), многие талантливые беллетристы-писатели (Гоголь, Тургенев, Крылов, Кольцов, Грибоедов, Достоевский, Чехов, Виктор Гюго, Гете и др.), многие обессмертившие себя в истории разных народов венценосцы и исторические деятели (Александр Македонский, Перикл, Цезарь, Ярослав Мудрый, Владимир Святой, Александр Невский, Имп. Александр II, Гарибальди, адм. Ушаков, Нахимов и др.), знаменитые изобретатели (Эдисон), художники (Рафаэль, Репин), композиторы (Бетховен, Шопен, Римский-Корсаков), путешественники (Колумб, Магеллан, Пржевальский, Нансен, Стенли и др.), филантропы (доктор Гааз) и проч. и проч. Даже, страшно сказать, Сам Господь и Спаситель наш И. Христос, по безумному суду сбившихся с толку юношей, оказался ниже, менее ценнее героев сыска, так как назван «идеалом» всего 4 раза, между тем как Шерлок Холмс — 12 раз (больше на 8 раз) и Нат Пинкертон — 7 раз (больше на 3 раза).

Из сказанного с очевидностью явствует, что под ядовитым смрадным влиянием рассказов о разных «кровавых» героях сыска и преступления в юных душах перевернулись решительно все понятия: удаль, ловкость, обман, воровство, убийство и другие «качества» сыщиков и преступников оказались выше и желаннее, чем Божественная правда, лю-

бовь, милосердие, мудрость, самопожертвование, сострадание и проч., т. е., говоря иначе, они, эти безнравственные «качества», настолько овладели психикой юных, неуравновешенных читателей, что сделали их буквально глухими и слепыми относительно самых элементарных этических понятий. Точно зачумленные, они утратили всякое различие между добром и злом. По крайней мере, порок, как нечто мерзкое, гнусное, постыдное, уже не существует, ибо он не только не вызывает уже отталкивающих или так называемых «репульсивных» эмоций, а напротив — тянет к себе, тянет как нечто именно будто бы хорошее, чуть не добродетельное: его оправдывают, сочувствуют ему, восхищаются им, ставят целью своей будущей жизни и деятельности. И подумать только, что это происходит тогда, когда закладываются еще первые основные камни в фундамент духовной личности! Ясно, какую страшную опасность для развития нравственного характера учащихся представляет из себя эта пестрая, сплошь пропитанная грязью порока, клинически-патологическая окоёмовская литература...

Но и это не все.

Оглянитесь внимательно кругом, — и вы с ужасом заметите, что сыщицкая литература, развращая ум и сердце своих экспансивных читателей, методически развращает и их волю, толкая на путь сыска же и преступления.

Вы увидите, как зачитавшийся сыщицкой литературой юноша, в силу присущей ему способности и склонности к подражанию, начинает постепенно стремиться выразить охватившие его чувства восхищения и преклонения пред своими кумирами вовне, в таких или иных, приличных и достойных этих кумиров, движениях и действиях, т. е., говоря попросту, переходить мало-помалу от слова к делу, от чтения к воплощению прочитанного в реальной действительности.

Просмотрите журнальные и газетные хроники последних пяти-шести лет, — и вы найдете сотни подтверждающих только что сказанное случаев.

Вы прочтете в них и о том, как близ Берлина полиция недавно накрыла шайку воров-подростков из 26 школьни-

ков (10-14 лет), которые, под влиянием именно воровских и разбойничьих походов разных Арсенов Люпэнов и лордов Листеров, бросили школу и образовали шайку, долго совершавшую мелкие кражи из лавок в самом Берлине и его окрестностях и грабившую на улицах девушек-школьниц; и о том, как в Иене один юноша, проглотивши разной пинкертоновщины на целых 15 марок (около 7 руб.), застрелил шестнадцатилетнюю девушку, заподозрив в ней важную преступницу.

Вы узнаете из этих хроник, что во Франции игра в сыщиков охватила учеников чуть ли не всех средних школ и приняла прямо-таки угрожающие размеры, что там образовались даже партии Ник Картера и Нат Пинкертона, что игры теперешних французских гимназистов имеют своим сюжетом, главным образом, преступления и убийства, и что от игр эти юноши то и дело переходят к действительным преступным похождениям и подвигам. Так, один ученик лицея, председатель школьного общества Пинкертона, украл у кухарки своей матери 40 франков ее сбережений и при этом пресерьезно заявлял, что в его поступке решительно нет ничего дурного, так как он совершил его лишь как «вор-любитель» и проч.

На основании тех же источников с грустью отметите вы горькие плоды сыщицкой литературы, выросшие и на русской почве.

Урожай их обилен, — не сочтешь...

Там одиннадцатилетний мальчик, рассердившись на прислугу, не разделявшую его интереса к рассказам про сыщиков, стреляет в нее из револьвера; в другом месте дети, из которых старшему было 14 лет, играя в Пинкертона, устроили примерную смертную казнь, причем подоспевшие взрослые вынули из петли мальчика уже мертвым; в третьем две молоденькие девушки, начитавшись про Пинкертона и решившись «сыграть в анархистов-коммунистов», написали одному богатому купцу требование под угрозой смерти положить на определенном месте и в определенное время 300 рублей, а сами отправились наблюдать, что будет, и попали в руки полиции. В одном губернском городе недав-

но были арестованы четыре школьника-«вымогателя» в возрасте от 7 до 16 лет; их толкнули на вымогательство, оказывается, их кумиры — лорд Листер, Арсен Люпен и Лейхтвейс. В другом губернском городе полиция недавно же задержала четырех юношей достаточных семей, воспитанников разных учебных заведений, совершавших систематические кражи из передних дантистов. Где-то на юге школьники, начитавшись сыщицкой литературы, устраивали поджоги; где-то образовали настоящую разбойничью банду. В нескольких местах пытались бежать в Америку, эту страну, по преимуществу освященную деятельностью любимых героев...

И проч. и проч.

Итак, воровство, вымогательства, грабежи, поджоги, убийства и всяческие насилия и зверства, ложь, обман и полное одичанье нравов, а за всем этим — арест, суд, тюрьма, каторга — вот куда приводит в конце концов своих адептов сыщицкая литература...

Но — довольно.

Картина и без того невесела: кровью и слезами сотен искалеченных молодых жизней веет от нее...

И невольно в измученную душу западает тревожный вопрос: где же выход из всего этого и возможен ли он?

Ответ может быть только один: выход есть и возможен, и этот выход — *общая дружная борьба с клокочущим кругом нас книжным потолком от сыщицкой литературы.*

И, слава Богу, эта борьба уже начата.

Английские газеты сообщают, что Конан-Дойль, ввиду вреда от его рассказов о Шерлоке Холмсе, признал необходимым расстаться с своим героем и теперь работает только над историческими драмами и повестями. Талантливый работник понял, что искусство — громадная сила, и недостойно честного человека обращать эту могучую силу на служение злу, на разжигание в людях дурных животных инстинктов...

Начата борьба с сыщицкой литературой и во Франции, и в Германии.

Перед нами как раз лежит воззвание дрезденского учительского общества к родителям учеников. И прислушайтесь, каким искренним осуждением «окоемовщипе» звучит оно!

«Родители! — читаем мы в нем. — Если вы найдете в ящике, в ранце или в кармане вашего сына тетрадки криминального романа, не выбрасывайте их непрочитанными. Прочитайте их предварительно сами, чтоб вам стало ясно, какие мошенничества и гадости, часто соединенные с полнейшей бессмыслицей, рассказываются тут юному читателю. Родители! Сброд заправских сыщиков, заправских воров и бандитов составляет особую категорию людей, которая существует только в сочиненном мире разбойничьего романа, но не в действительной жизни. Родители! Взрослый человек, обладающий хоть небольшой долей собственных воззрений и хорошего вкуса, отворачивается от этих пошлостей; незрелый же мальчик все принимает за чистую монету, за сущую правду. Стоит ему прочитать несколько таких книжек, чтобы потерять различие между возможным и невозможным. Притупляющим образом действует криминальная литература на юного читателя и отнимает у него внимание и силу для изучения того, что необходимо ему в действительной жизни. Он скоро делается самым дурным среди своих товарищей, самым ленивым среди своих братьев. Разве может он после этого с пользой и удовольствием прочитать хорошую книгу? Его испорченный вкус отвергнет ее, как скучную, в то время, как неиспорченным детям она послужит источником благороднейшего умственного развития и сердечной радости. Родители! Вы ждете и надеетесь, что со временем ваши сыновья в полном расцвете сил и с здоровыми нервами выступят в жизнь. Ваши сыновья — ваша гордость и ваша надежда, но они должны быть гордостью и надеждой всего народа. Берегите же их от влияния вредного чтения, расшатывающего нервы, затемняющего рассудок и ожесточающего сердце».

И подобных воззваний за границей расходятся целые сотни. Их печатают в журналах и газетах, отдельными изданиями рассылают по домам, в виде афиш расклеивают по ули-

цам. Их читают все. Читают и сами юноши и, сознавая правдивую их искренность, понемногу начинают отставать от вредного или, как называют его в Германии — «пакостного» чтения.

«Долой окоемовщину!» — правда, еще робко, разрозненно, но все чаще и чаще начинает звучать и у нас на родине.

В различных журналах и газетах уже появились более или менее обстоятельные статьи и заметки о вреде шерлоковщины и пинкертоновщины, а из разных мест, и что особенно отрадно и важно: от самих юных читателей, поступают время от времени, как показывают анкеты, такого рода заявления: «теперь читаю меньше, потому что стало надоедать», «стало скучно, потому что все небывальщина», «бросается в глаза явная ложь», «читаю, но редко, потому что там печатают все чепуху», «все старая каша», «все то же самое», «не читаю, потому что нашел более интересное чтение», «нашел более умные книги», «потому не читаю, что считаю вредными для науки», «нужно быть каким-то сверхъестественным существом, чтобы быть таким, каким описывается Нат Пинкертон; почему же не пишут про его неудачи, раз он простой человек», «такого удивительного сцепления обстоятельств, благодаря которому герой постоянно выпутывается из беды без малейшего для себя вреда, не может быть», «не читаю, потому что там есть разные глупости, и сочиняют их люди, которые сидят в тюрьме, и им не дают жрать, и они выдумывают всякую дрянь и пускают в чтение, за что и получают деньги» и проч.

Таким образом, под влиянием простого чутья жизненной правды, нарастает волна отрезвления от увлечения авантюрской литературой и в среде самих поклонников этой литературы.

Заразный период болезни как будто бы начинает проходить, но выздоровление еще впереди, так как грязные кумиры еще стоят на своих пошатнувшихся пьедесталах...

Господа, ускорить выздоровление зависит от вас самих. Для этого нужно только присоединить и ваши *дружные усилия* к нарастающему повсюду трезвому стремлению сверг-

нуть эти нелепые кумиры окончательно, разбить их, растоптать их, уничтожить своим презрением и осуждением...

Проснитесь же!

Сбросьте с себя нелепый, навеянный грубо-эгоистической жадой сильных впечатлений кошмар окомовщины!

Поймите, что он не только унижает и оскорбляет вас: он, как тля, как ржавчина, разъедает все духовное ваше «я» — расслабляет вашу волю, извращает вашу мысль, загрязняет ваше юное благородное сердце.

И — обкрадывает вас.

Обкрадывает грубо, со взломом, заставляя вас так непроизводительно и с явным вредом для себя расходовать и ваше драгоценное время, и ваши молодые, кипучие силы...

Поймите и запомните также и то, что *выбор материала для чтения имеет громадное значение для определения всей последующей личности человека.*

Поэтому выбирайте книгу с разбором и не позволяйте процессу чтения руководить собой, а наоборот — сами руководите им.

Глядите, *что* и как читаете.

Если данное произведение доставляет эстетическое наслаждение — это, конечно, хорошо, ибо увеличение числа приятных минут и уменьшение числа неприятных только желательно.

Если же это произведение, сверх эстетического наслаждения, может дать и серьезный материал для мысли — это еще лучше.

Если же оно, в добавление ко всему сказанному, будит в вас и возвышенное настроение в той или другой форме, — это очень хорошо.

Наконец, если оно мощно возбуждает святыя, благородные чувствования или вызывает отвращение к диким и низменным — это уже прекрасно.

Читайте последнее, — и тогда все эти пестрые книжки о сыске и преступлениях вызовут в вас только чувство омерзения и гадливости, как будто бы вам предложили съесть кусок протухлого мяса или окунуться с головой в грязную, вонючую, кишачую всевозможными паразитами трясику...

Оглавление

Дело канадских грабителей: Юмор и сатира

А. Аверченко. Пропавшая калоша Доббльса: (Соч. А. Конан-Дойля	8
Доктор Саперлипопет. Шерлок Хольмс: (Из тайных документов знаменитого сыщика)	12
О. Чюмина. Взаимное обучение, или Шерлок Хольмс в Малом театре	17
В. Крымов. Из экзотических разговоров	26
А. Бухов. Дело канадских грабителей	28
Long ongle. Шерлок Холмс в Петрограде	35
А. Дикгоф-Деренталь. Дипломат Митька: Даже не факт, а истинное происшествие	42
В. Волженин. Пропавшая кухарка: Новейшее приключение Шерлока Холмса (Из воспоминаний д-ра Ватсона)	51
К. Радек. Величайшее преступление в истории	55
Л. Лагин. Конец карьеры Шерлока Холмса: (Последний рассказ доктора Ватсона)	62

Новелла тайн: Моралисты, критики и аналитики

В. Тихонов. Сыщик	73
М. Маевский. Конан-Дойль: «Приключения сыщика Шерлока Холмса»	93

В. Розанов. Из книги «Опавшие листья»	103
Д. Березкин. Современные кумиры: Очерки современной сыщицкой литературы: Речь к учащемуся юношеству	108
К. Чуковский. Из книги «Нат Пинкертон и современная литература»	129
В. Шкловский. Новелла тайн	141
<i>Губернский Шерлок Холмс: Шерлок à la russe</i>	
А. Амфигеатров. Шерлок Хольмс	165
К. Долин. Фантазер	176
М. Ордынцев-Кострицкий. Губернский Шерлок Холмс	207
В. Шишков. Шерлок Холмс — Иван Пузиков: Шутейные рассказы	229
<i>Приложение</i>	
А. Толстой. Ножницы: Письмо Конан Дойля графу А. Н. Толстому	254
Комментарии	262